

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И
ЭТНОЛИНГВИСТИКА | INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF
GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Проблема массовизации антиутопии как жанра искусства в условиях общества риска

Симонова С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Гаршин Н.А.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Алиханова В.Л.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Проблемой данной статьи является трансформация и массовизация жанра антиутопии и утрата им своих сущностных признаков. Гипотезой исследования является существование тесной взаимосвязи процессов массовизации искусства и популяризация антиутопии в современной массовой культуре и общественном сознании. Авторы обращают внимание на роль антиутопии в современном обществе, которое может быть охарактеризовано как общество риска, а также на влияние антиутопий на сознание масс. Основным методологическим приемом выступает функциональный анализ. Кроме того, применяется диалектика, принцип историзма и компаративистский анализ. Результатом исследования является положение о том, что в современном обществе происходит акцентирование на процессе массовизации искусства, в ходе которого значительно менее очевидной становится граница между элитарной и массовой культурой. Кроме того, в ходе исследования проясняется роль литературных произведений на распространение рисков и требование моральной, а возможно, и правовой ответственности за такие деяния. Ключевым выводом является положение, согласно которому в условиях размытия границ между элитарным и массовым искусством антиутопия становится востребованным жанром и оказывает влияние на социальную реальность.

Ключевые слова: философия культуры, антиутопия, общество риска, социальная философия, интерпретация, афтер-постмодерн, медиа.

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

Для цитаты: Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л. Проблема массовизации антиутопии как жанра искусства в условиях общества риска [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45. DOI:10.17759/langt.2021080305

The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of Art in the Risk Society

Svetlana A. Simonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Nikolay A. Garshin

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Veronika L. Alikhanova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

The problem of this article is the problem of transformation and massization of the genre of dystopia and its loss of its essential features. The hypothesis of the study is the existence of a close relationship between the processes of massizing art and the popularization of dystopia in modern mass culture and public consciousness. The authors draw attention to the role of dystopia in modern society, which can be characterized as a risk society, as well as to the influence of dystopias on the consciousness of the masses. The main methodological technique is functional analysis. In addition, dialectics, the principle of historicism and comparative analysis are applied. The result of the study is the provision that in modern society there is an emphasis on the process of massization of art, during which the border between elite and mass culture becomes much less obvious. In addition, the study clarifies the role of literary works in spreading risks and the requirement of moral, and possibly legal responsibility for such acts. The key conclusion is the provision according to which, in the conditions of blurring the boundaries between elite and mass art, dystopia is becoming a popular genre and has an impact on social reality.

Keywords: philosophy of culture, dystopia, risk society, social philosophy, interpretation, after-postmodern, media.

For citation: Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L. The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of Art in the Risk Society. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45. DOI:10.17759/langt.2021080305 (In Russ.).

Антиутопия как жанр возникает в XX веке, отражая бурные политические процессы в обществе, несбывшиеся надежды слоев и классов на позитивные перемены в обществе. В самом жанре антиутопии уже на момент его генезиса словно сквозит обида и экзистенциальная тоска по поводу разочарований в переменах, невыполненных обещаний

пришедших к власти. В этом ключе характерно, что большинство исследователей называют первой и потому классической антиутопией роман «Мы», вышедший из-под пера Е.И. Замятина в 1921 г. Здесь следует заметить, что в тот момент само написание и попытка публикации подобного романа представляли собой нешуточный вызов государству и политическим лидерам, а возможно, и широким массам, которым властями делается значительная идеологическая «прививка». Таким образом, анализируя генезис антиутопии как жанра, мы можем заметить, что она несла в себе особый протестный потенциал и требовала от автора мужества выступить с подобным манифестом и приговором современному ему обществу. Однако также мы можем заметить, что мир, власть и государство в целом, описанные в «Мы» Замятина, в своей антиутопичности и репрессивности куда более честны по отношению к своим гражданам, чем в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли, который можно считать американской вариацией на тему «Мы». Государство Замятина — абсолютно механизированный продукт, пропитанный регламентацией, лишь нарушив которую, можно получить глоток свободы и счастья. Само формирование антиутопии как самостоятельного жанра можно соотнести с общим пессимизмом, характерным для мысли конца XIX — начала XX веков. В философии это можно заметить в трудах Ницше и Шопенгауэра, а позднее — в работах Адорно, Хоркхаймера и иных представителей Франкфуртской школы. Ощущения бессмысленности и тираничности мира и социума, выраженные в трудах указанных мыслителей, нашли воплощение в литературном творчестве писателей-антиутопистов. Как отмечает А.Ю. Смирнов, «Антиутопия появляется на более позднем этапе развития утопического сознания, когда последнее получило полноценное выражение в законченной литературно-художественной форме — романа-антиутопии. Ее окончательная литературная реализация в романах Е. Замятина «Мы» и О. Хаксли «О дивный новый мир» стала возможной вследствие кризиса ключевой социальной мифологемы, определявшей направление развития европейской цивилизации на протяжении XVI-XIX вв. Для ситуации начала XX в. характерно следующее: социальные катаклизмы, явившиеся следствием развития научно-технического прогресса и радикальных политических изменений в общественной жизни европейских государств (достаточно локальных в масштабах рассматриваемого феномена), наложились на общецивилизационный кризис, в результате чего возникла кризисная ситуация второго порядка, обусловившая возможность реализации феномена утопизма в форме литературной антиутопии — явления, носящего диалектический характер, поскольку в нем сопряжены две крайности: собственно утопический подход к действительности и принципиальное отрицание утопии» [6]. Значит, мы можем говорить о том, что антиутопия как жанр появилась не внезапно, каким-то непостижимым или случайным образом, а стала результатом накопления в обществе определенных противоречий, в первую очередь, социально-политических, а также следствием развития цифровых и транспортных технологий.

С течением времени развитие антиутопического жанра все больше связывалось с уменьшением свободы личности, особенно в области работы с информацией. Наиболее показательна в этом аспекте книга Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту». В ней четко прослеживается страх утратить доступ к информации, опасения цензуры и мысли.

Тем не менее, на протяжении продолжительного периода времени антиутопия остается по-настоящему протестным жанром. Это заключается как в заложенных в произведения смыслax и идеях, так и в самом факте существования этого жанра в социальном

пространстве. Искусство существует не изолированно от общих тенденций в обществе, напротив, оно часто определяет эти самые тенденции. И в самой антиутопии уже имманентно содержатся и компоненты политических структур и политического дискурса, что еще в большей степени смещает этот жанр в поле реальной социальной активности и протестности. Как отмечают Н.А. Сребрянская и Е. А. Мартынова, «в пространстве англоязычных антиутопий представлены базовые характеристики политического дискурса — общение власти с народом через СМИ, социальная оппозиция «свой — чужой», употребление политических знаков (мифы, эвфемизмы, дисфемизмы). В связи с этим литературная антиутопия может рассматриваться как вид политического дискурса» [8, С.123]. Во многом именно антиутопии вдохновляли борцов с тоталитарными режимами, противников военного вмешательства в социальную и политическую жизнь других стран, диссидентов и сторонников прав и свобод граждан. Следовательно, антиутопия была значимым социальным явлением, а авторы, пишущие антиутопии, выступали в качестве субъектов, формирующих общественное мнение и оказывающих значительное влияние на жизнь государства и гражданского общества.

Однако с течением времени и ростом уровня потребления антиутопия массовизируется и из отчасти элитарного и уникального жанра превращается в модное средство развлечения. В этом она не уникальна. Как писал Э. Хиз, всякий продукт контркультуры или субкультуры рано или поздно поглощается массовой, господствующей культурой, становясь товаром и идя на продажу в массы. В условиях общества потребления антиутопия также становится товаром, массовым и слишком популярным жанром, эту эпоху философ характеризует следующим образом: «фундаментальная проблема общества потребления состоит не в том, что наши потребности созданы искусственно, а во взгляде на ценность производимых товаров: главными считаются не столько подлинно полезные свойства, сколько способность сигнализировать об уровне успешности владельца <...> когда элементарные потребности удовлетворены, товары начинают все больше цениться за их „престижные“ свойства. Одежда становится все вычурнее, дома — больше, блюда — изысканнее, и начинают появляться ювелирные украшения. Все эти товары служат свидетельствами определенного социального статуса» [10, С.131]. Это, безусловно, сказывается на качестве производимого текста, материала. Обилие антиутопий и их чрезмерная популярность привели к тому, что в число авторов-антиутопистов вошли и откровенно слабые писатели, которые зачастую занимались откровенной графоманией. На определенном этапе быть автором антиутопии стало модно и просто-напросто выгодно в финансовом отношении, а также это позволяло без труда стать популярным, делая вариации на тему классических антиутопий, адаптированных под актуальные социальные условия.

Однако даже более значимым и интересным в контексте этой статьи является вопрос о том, почему именно в обществе потребления столь велика потребность в антиутопичном жанре. Здесь мы можем обратиться к истории утопии и ее сравнению с антиутопией. На наш взгляд, утопия возникла во времена, когда по-настоящему сытно и обеспеченно могла жить лишь небольшая прослойка населения. Причем эта сытость и была едва ли не единственным благом — говорить о достойном уровне медицины, косметических и гигиенических процедур, доступных сегодня практически каждому из нас, не приходилось, о чем свидетельствуют, например, мемуары Екатерины Второй, описывающие все сложности жизни женщины даже в более поздние, чем написание первых утопий, времена. Как пишет уже во введении к своей работе А.М. Буровский, «Современный человек несравненно богаче своих предков. По

понятиям даже очень обеспеченных людей начала XX века он просто неправдоподобно богат. Убедиться в этом очень просто: достаточно сравнить размеры домов и квартир начала XX и начала XXI веков. Жилье богатого парижанина или петербуржца столетней давности меньше и темнее, чем жилье самого среднего из наших современников. Наша повседневная еда показалась бы пиром для 90 % жителей Петербурга или Москвы 1900 года. Одежда... После изобретения нейлона наши женщины ходят в шелках, как императрицы Рима или как жены миллионеров XIX века» [2, С.8.]. Таким образом, утопия возникает как проявление экзистенциального желания человека к Иному, как проявление его тяги к переменам и разнообразию. Таким же образом дело обстояло и с антиутопией. В момент, когда уровень потребления человека значительно вырос, когда, как мы видим из приведенной выше цитаты Буровского, уровень потребления и благосостояния значительно вырос, у человека, во-первых, появляется масса новых потребностей, а во-вторых, высвобождается масса свободного времени, которым человек зачастую не умеет распорядиться. Это приводит к тому, что человеку хочется «играть» в деятельность, ему необходимо занимать себя чем-то модным. При этом тяга к иному, упомянутая выше, влечет его специально искать нечто ужасное, пугающее, отталкивающее, что наглядно демонстрируется в антиутопиях. Люди испытывают потребность в выбросе адреналина, в решении значимых проблем, связанных с выживанием, которые были так остры для наших предков. Безусловно, эта тяга сугубо подсознательна, да и вряд ли большинство из нас всерьез способны решать подобные проблемы и задачи, однако желание героического и протестного поведения внутри нас никуда не пропало. Неслучайно именно сегодня столь популярен жанр антиутопии, «1984» и «О дивный новый мир» регулярно входят в топ продаж книг, равно как и современные антиутопии, от «Метро 2033» до иных, менее известных. Появляется и обилие исследований на тему антиутопий, наиболее свежим примером которых является работа «Министерство правды», принадлежащая перу Д. Лински. В этом труде автор освещает вопросы влияния романа Оруэлла на поколения, находящиеся на стыке тысячелетий, культуру современного мира, а также проводит анализ создания этого произведения. Кроме того, уже порядка 10 лет выходят и научные труды, посвященные этой проблематике.

Влияние антиутопий на разум наших современников велико. Ряд исследователей-психологов, анализируя начало пандемии, отмечают, что многие люди подсознательно восприняли происходящее как некую вариацию компьютерной игры или фильма-катастрофы, отсюда столь активное социальное заражение масс непроверенной информацией, слухами и домыслами относительно коронавируса. Этим же можно объяснить и некую беспечность людей – привыкнув жить в вымышленном антиутопичном и апокалиптическом мире книг и игр, они не смогли всерьез и критично воспринять информацию и принять меры по защите от биологической угрозы. В их поведении скорее прослеживалось желание «сыграть» в антиутопию в жизни, а понимание того, что беда пришла всерьез и надолго, отошло на второй план или вовсе отсутствовало.

Особенно существенной представляется данная проблема в контексте общества риска, которое может быть кратко охарактеризовано нами как такое общество, в котором всякое действие или бездействие ведет к мультипликации рисков. К сожалению, массовизация антиутопия приучает потребителей произведений искусства, будь то зрители или читатели, относиться к рискам как к форме игры, недооценивая потенциал перемен и возможных опасностей. При этом возможно разрушение нормальных связей между гражданином, гражданским обществом и государством, а ведь именно создание устойчивого и

продуктивного диалога между этими субъектами – важная задача в современном мире [7]. Особые опасения вызывает то, что реальные угрозы и вызовы представляются в свете искаженного, зачастую деформированного чувства юмора, и тем самым легитимируются в сознании современного человека [12].

Таким образом, по итогам статьи мы можем прийти к следующим выводам. Антиутопия как жанр прошла долгий путь становления и трансформировалась из редкого, элитарного и протестного жанра в массовый продукт, востребованный современным обществом. Вследствие этого в рамках антиутопий перестали появляться по-настоящему революционные и новые идеи, и сам жанр значительно утратил свои позиции в художественном и идейном аспектах, при этом став одним из самых массовых и популярных в современной литературе. Причинами популярности антиутопии стали развитие общества потребления и переизбыток потребления благ вкупе с увеличением свободного времени у человека. Из-за этого в человеке, в силу его экзистенциальной тяги к иному, стало пробуждаться желание погрузиться в мир, полный вызовов, приключений, протеста, при этом ничем не рискуя. Антиутопия стала средством развлечения, а любые пересечения с реальностью лишь усиливают моду на такие произведения. Наконец, нужно заметить, что антиутопии оказали значительное влияние на сознание граждан и их поведение в повседневной жизни, а особенно в моменты социальных и политических кризисов. Можно сказать, что антиутопия стала одним из самых ходовых товаров массовой культуры, утратив свой высокий статус и роль.

Литература

1. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. 2012. Москва: РГГУ, 288 с.
2. Буровский А.М. Человек третьего тысячелетия (Куда мы идем). 2013. СПб.: Страта, 264 с.
3. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57 - 75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.
4. Симонова С.А. Ловушки эстетизации: от ренессанса к культуре постмодерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия, социология, право». 2014. № 9 (180). С. 201–207. URL: [https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209\(180\)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf](https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209(180)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf) (дата обращения 22.06.2021)
5. Симонова С.А. Маятник культуры: между морализмом и эстетизацией. 2012. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 128 с.
6. Смирнов А.Ю. Литературная антиутопия: проблема генезиса // Вестник БДУ. Серия 4. 2009. № 1. С. 39-43. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4381/1/07%20СМИРНОВ%20.pdf> (дата обращения 22.06.2021)
7. Сорина Г.В. Особенности коммуникаций между государством и обществом в современном социальном пространстве // Ценности и смыслы. 2014. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsiy-mezhdu-gosudarstvom-i-obschestvom-v-sovremennom-sotsialnom-prostranstve> (дата обращения 22.06.2021)
8. Сребрянская Н.А., Мартынова Е.А. Антиутопия как вид политического дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 122–124.

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2011/02/2011-02-24.pdf> (дата обращения 22.06.2021)

9. Старыгина А.С. Массовизация современного социокультурного пространства // Вестник современных исследований. 2018. № 5.1 (20). С.61-63. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35258287_72689034.pdf (дата обращения 22.06.2021)

10. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. Как контркультура создает новую культуру потребления. 2007. М.: Добрая книга, 456 с.

11. Шапинская Е.Н. Массовая культура: теории и практики. 2017. М.: Согласие, 386 с.

12. Little L.E. Just a Joke: Defamatory Humor and Incongruity's Promise // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2011. Vol. 21. P. 95. URL: <https://clhc.usc.edu/why/students/orgs/ilj/assets/docs/21-1%20Little.pdf> (дата обращения 22.06.2021)

References

1. Ben'yamin V. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti*. 2012. Moscow: RGGU, 288 p. (In Russ.).

2. Burovskii A.M. Chelovek tret'ego tysyacheletiya (Kuda my idem). 2013. Saint Petersburg: Strata, 264 p. (In Russ.).

3. Garskova I.M. «Tsifrovoy povorot» v istoricheskikh issledovaniyakh: dolgovremennye trendy. *Istoricheskaya informatika*, 2019, no. 3, pp. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251 (In Russ.).

4. Simonova S.A. Lovushki estetizatsii: ot renessansa k kul'ture postmoderna. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya, sotsiologiya, pravo»*, 2014, no. 9 (180), pp. 201–207. Available at: [https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209\(180\)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf](https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/0b6/N%209(180)%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%2028.pdf) (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

5. Simonova S.A. Mayatnik kul'tury: mezhdru moralizmom i estetizatsiei. 2012. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 128 p. (In Russ.).

6. Smirnov A.Yu. Literaturnaya antiutopiya: problema genezisa. *Vestnik BDU. Seriya 4*, 2009, no. 1, pp. 39–43. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4381/1/07%20SMIRNOV%20.pdf> (Accessed 22.06.2021). (In Russ.).

7. Sorina G.V. Osobnosti kommunikatsii mezhdru gosudarstvom i obshchestvom v sovremennom sotsial'nom prostranstve. *Tsenosti i smysly*, 2014, no. 4 (32), Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-kommunikatsiy-mezhdru-gosudarstvom-i-obshchestvom-v-sovremennom-sotsialnom-prostranstve> (Accessed 22.06.2021). (In Russ.).

8. Srebryanskaya N. A., Martynova, E. A. Antiutopiya kak vid politicheskogo diskursa. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no. 2, pp. 122–124. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2011/02/2011-02-24.pdf> (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

9. Starygina A.S. Massovizatsiya sovremennogo sotsiokul'turnogo prostranstva. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2018, no. 5.1 (20), pp. 61–63. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35258287_72689034.pdf (Accessed 22.06.2021) (In Russ.).

10. Khiz Dzh., Potter E. Bunt na prodazhu. Kak kontrkul'tura sozdaet novuyu kul'turu potrebleniya. 2007. Moscow: Dobraya kniga, 456 p. (In Russ.).

Симонова С.А., Гаршин Н.А., Алиханова В.Л.
Проблема массовизации антиутопии как жанра
искусства в условиях общества риска
Язык и текст. 2021. Том 8. № 3. С. 38–45.

Simonova S.A., Garshin N.A., Alikhanova V.L.
The Problem of Massovization of Dystopia as a Genre of
Art in the Risk Society
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 38–45.

11. Shapinskaya E.N. Massovaya kul'tura: teorii i praktiki. 2017. Moscow: Soglasie, 386 p. (In Russ.).

12. Little L.E. Just a Joke: Defamatory Humor and Incongruity's Promise. *Southern California Interdisciplinary Law Journal*, 2011. Vol. 21. pp. 95. Available at: <https://clhc.usc.edu/why/students/orgs/ilj/assets/docs/21-1%20Little.pdf> (Accessed 22.06.2021)

Информация об авторах

Симонова Светлана Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, профессор общеуниверситетской кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru
Гаршин Николай Александрович, преподаватель кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Алиханова Вероника Левановна, аспирант кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Information about the authors

Svetlana A. Simonova, PhD (Philosophy), Professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Professor of the University Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-1248>, e-mail: jour2@yandex.ru

Nikolay A. Garshin, Lecturer, Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-5047>, e-mail: garshnick@mail.ru

Veronika L. Alikhanova, PhD student of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9753-7581>, e-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 15.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 15.09.2021